

ПАЗЛ

детективный триллер

Они знают

Книга 18

Фотография 1965

Мурат Карадениз

ПАЗЛ

Мурат Карадениз
Фотография 1965

«Автор»

2026

Карадениз М.

Фотография 1965 / М. Карадениз — «Автор», 2026 — (ПАЗЛ)

Архитектор Артём Соколов находит в вещах умершей бабушки старую фотографию. 1965 год, дачный посёлок, двенадцать счастливых лиц. На обороте — две надписи: «Они знают» и карандашом: «Не говори никому». Бабушка никогда не упоминала этот снимок. Будто вырезала из своей памяти целое лето. Артём находит живую свидетельницу — старую подругу бабушки. Увидев фотографию, она бледнеет и говорит: «Ты не должен был это найти. Мы поклялись молчать». На следующий день её находят мёртвой в собственной ванной. Кто-то убивает свидетелей прошлого. Улики лгут. Свидетели молчат. А один человек с фотографии просто исчез — из списков выживших, из документов, из жизни. Будто его никогда не существовало. Артёму остаётся только одно: найти того, кого нет. И узнать, что на самом деле произошло в ту ночь. Пока он сам не стал следующим, кого решат стереть. «ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. ДВЕНАДЦАТОЕ ЛИЦО	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мурат Карадениз Фотография 1965

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

17 августа 1965 года, 23:47

Жара не спадала. Воздух стоял плотный, как перед грозой, — липкий, тяжёлый, пропахший яблоками и нагретой за день смолой. Она бежала босиком по тропинке между участками, и ветки хлестали по голым ногам, оставляя красные полосы. Ночная рубашка прилипла к телу, мокрая от пота. Она не чувствовала холода, хотя ветер дул с реки, и не чувствовала боли. Только одно: надо бежать. Быстрее. Дальше.

За спиной горел дом.

Оранжевое зарево подсвечивало верхушки сосен, делало их чёрными, как обугленные спички. Дым поднимался в небо ровным столбом, потом разрывался на куски, и ветер относил их в сторону леса. Пахло уже не яблоками и смолой — пахло гарью, жжёным деревом, горячим железом. Треск. Грохот. Падали стёкла — звонко, как разбитая посуда. Кто-то кричал внутри. Мужской голос. Короткий. Оборванный на полуслове.

Она споткнулась о корни старой сосны, упала, ободрала колени о песок и сухие шишки. В ладони — фотография. Бумага намочена от пота, края загнулись, и она сжала её так, что побелели костяшки. Сзади хрустнула ветка. Или показалось? Она обернулась, задыхаясь.

Из окна второго этажа вырывалось пламя. Жёлтое, красное, с синим отливом в самом низу, где горело что-то химическое — может, краска, может, лак, она не знала. Стекло лопнуло с глухим ударом, и осколки посыпались вниз, на траву, на крыльцо, на ступеньки. В проёме стоял силуэт. Человек. Он не двигался. Просто стоял и смотрел. Или нет? Она не могла разобрать: лицо скрывала тень от пламени, только контуры — плечи, руки, опущенные вдоль тела. Он стоял и смотрел прямо на неё. Или сквозь неё. Она не знала. Она вскочила и рванула в лес, уже не оглядываясь.

Ветки хлестали по лицу. Кровь смешалась с потом. Она чувствовала вкус меди во рту — прокусила губу. Ноги не слушались, но она бежала. Дым догонял её, как живой, проникал в лёгкие, и она кашляла, но не останавливалась. Фотография была всё ещё в руке, сжатая, влажная. Она не могла её выбросить. Не могла оставить там. Это было всё, что у неё осталось.

Она бежала, пока не кончились силы. Упала на колени на берегу реки, зачерпнула воды, выпила — глотала большими глотками, давилась, но пила. Вода была тёплой, с запахом тины. Она плеснула себе в лицо, смывая пот, сажу, кровь. Фотография мокрой бумагой прилипла к пальцам. Она разжала ладонь, посмотрела на неё при свете луны.

Двенадцать лиц. Все смеются. Бокалы в руках. Праздничные платья. Белые рубашки. Кто-то держит гитару, кто-то обнимает женщину. Она узнаёт себя — в центре, в лёгком платье, с улыбкой. Она не помнит, чтобы улыбалась в тот день. Она помнит только вечер. Как пили вино. Как смеялись. Как Илья поднял тост за всех.

И как потом — шум, крик, удар, тишина. И огонь.

Она перевернула фотографию. На обороте — чернила. Её почерк. Она написала это сама. Когда? Зачем? Она не помнила. Но буквы были чёткими, словно она выводила их не дрожащей рукой.

«Они знают».

Она сжала фото, спрятала в карман рубашки — между влажным хлопком и кожей. Поднялась. Ноги дрожали. Колени кровоточили. Она оглянулась на зарево. Оно становилось слабее — или она ушла слишком далеко. Она не знала. Она пошла вдоль реки, держась за деревья, спотыкаясь о корни. Одна. Босая. В ночной рубашке. С фотографией двенадцати счастливых лиц в кармане.

ЧАСТЬ 1. ДВЕНАДЦАТОЕ ЛИЦО

Глава 1

Артём Соколов стоял посреди комнаты и не знал, с чего начать.

Квартира на Московской, тридцать три квадрата, пропахшая нафталином и старым деревом, смотрелась так, будто время остановилось здесь ещё в восьмидесятых. Шторы в цветочек, сервант с хрусталём, ковёр на стене — оранжевый, с длинным ворсом, который он помнил с детства, когда приезжал к бабушке на лето. Тогда ему казалось, что это огромный дом, целый мир, а теперь, взрослым, он видел тесноту, обшарпанные стены, щели в рамах. Но запах остался тот же — воск, старая бумага, капли валерьянки, которую бабушка пила каждый вечер, и что-то неуловимое, что он называл «бабушкиным». Он не мог описать его словами, но стоило войти, и оно заполняло лёгкие, возвращая в детство.

Бабушка умерла три недели назад. Рак лёгких. Врач сказал: быстро, без долгих мучений. Артём не знал, верить ли этому, но он успел приехать за день до смерти. Сидел рядом, держал её руку — сухую, морщинистую, с выступающими венами. Она не говорила, только смотрела на него, и в этом взгляде было что-то, что он не мог расшифровать. Не тоска. Не боль. Страх. Или предостережение. Или просьба. Он тогда списал это на слабость, на действие морфина. Но теперь, стоя в её комнате, он думал: может, она хотела сказать ему что-то важное. Может, она пыталась передать ему ту самую тайну, которую унесла с собой.

Ему было тридцать восемь. Архитектор-реставратор, без жены, без детей, с работой, которая отнимала всё время. Специализация — деревянное зодчество Саратовской губернии. Он умел читать старые чертежи, определять возраст балок по году спила, отличать резьбу по дереву конца девятнадцатого века от подражания двадцатых. Друзья шутили, что он больше общается с досками, чем с людьми. Сам он относился к этому серьёзно. Реставрация требовала терпения и внимания к деталям. Любая деталь могла всё изменить. Он привык искать скрытые слои, замаскированные переделки, то, что другие не замечают. И сейчас, стоя в бабушкиной квартире, он чувствовал, как эта привычка включается сама.

Он начал разбирать квартиру не из необходимости. Можно было вызвать риелтора, продать всё с мебелью, получить деньги и забыть. Но он не мог. Было что-то неправильное в том, чтобы чужие люди перебирали бабушкины вещи. Её книги, её посуда, её фотографии — всё это было частью её, и он хотел сохранить хотя бы часть этой памяти. Или, честно говоря, он хотел что-то найти. Сам не знал что. Просто — чувствовал, что здесь есть что-то важное.

Комната, где он стоял, была спальней. Узкая, с высоким окном, выходящим во двор. На подоконнике — герань в горшках, уже засохшая. На стенах — ковёр, который он помнил с пяти лет. Он провёл пальцами по его поверхности, ощущая жёсткие ворсинки. Под ковром, он знал, были обои с крупными пионами — бабушка не переклеивала их с семидесятых, только говорила: «Ещё подойдут».

Сервант стоял в углу. Тяжёлый, дубовый, с резными ножками и застеклёнными дверцами. Внутри — хрусталь, который никогда не доставали, только протирали пыль по праздникам. Бокалы, вазочки, сахарница. Всё с золотым ободком. Артём открыл дверцу и провёл пальцем по хрусталу. Холодный, гладкий, без единой царапины. Она берегла его сорок лет.

Но комод был другим. Тот самый — старый, резной, с инкрустацией из карельской берёзы. Бабушка говорила, что он достался ей от родителей, а те привезли его из Энгельса ещё до войны. Артём присел на корточки, выдвинул верхний ящик. Там были вещи, которые она хранила как память — квитанции, письма, открытки, старые календари. Пачка газет — «Сара-

товский рабочий» за 1965 год. Он взял одну, развернул. Хрустящая, пожелтевшая. Заголовки о строительстве нового моста, о рекордах по сбору пшеницы. Ничего личного.

Он уже хотел задвинуть ящик, когда заметил, что нижние слои газет лежат неровно. Он сунул руку, пошарил. Под третьим слоем — конверт. Обычный, бумажный, без марки, без адреса. Пожелтевший по краям, с разводами — похоже, от воды. Он вытащил его, ощутил тяжесть. Внутри явно что-то было. Артём открыл конверт, разорвав край. Внутри — фотография.

Он вынул её. Чёрно-белая, матовая, размером с открытку, с неровными обрезанными краями — такие делали в старых фотоателье, на плотной картонной бумаге. На ней — двенадцать человек. Мужчины и женщины. Стоят на фоне деревянного дома, с бокалами в руках, улыбаются. Все в праздничной одежде: мужчины в белых рубашках с закатанными рукавами, женщины в лёгких платьях. На столе перед ними — бутылки, тарелки с закусками, нарезанные яблоки. Лето. Солнце. Безмятежность.

Артём взгляделся в лица. Одно из них он узнал сразу. Бабушка. Вера Михайловна Соколова. Молодая, лет двадцать два, с тёмными волосами, собранными в пучок на затылке. Она была в лёгком ситцевом платье с мелким цветочком — он помнил эту ткань, она висела в шкафу до последних дней. На фотографии она улыбалась широко, радостно, открыто. Такой он не видел её никогда. При жизни она была сдержанной, немного отстранённой, с какой-то постоянной тенью в глазах, которую он списывал на возраст. Здесь, на фото, она была свободной.

Он перевернул снимок. На обороте — чернила, синие, выцветшие до серого. Почерк бабушкин — он узнал бы его где угодно: буквы с наклоном вправо, чуть вытянутые, с характерным завитком на заглавной «В». Всего два слова. «Они знают».

Артём нахмурился. Перечитал раз, два. Слова были чёткими, без дрожи, без сомнения. Она знала, что пишет. Это не случайная пометка. Он поднёс фото к окну, поймал свет, упавший через мутное стекло, — и на обороте проступила карандашная запись. Почти стёртая, едва заметная. Буквы мелкие, он напрягся, чтобы прочитать.

«Берёзки. 1965. Не говори никому».

Он не знал этих Берёзок. Бабушка никогда не рассказывала о даче, о соседях, о том, где и как жила до замужества. Только редкие, случайные обрывки: «Мы жили тогда у реки», «Было очень жарко», «Потом мы уехали». Всё. Как будто она вырезала из памяти целый кусок своей жизни, заклеила его, оставила пустоту. Артём не придавал этому значения — мало ли что мы не рассказываем внукам? Но сейчас, глядя на двенадцать счастливых лиц, он понимал: она хранила эту фотографию специально. За слоем газет. В старом комод. Под инкрустацией из карельской берёзы. Так, чтобы никто не нашёл случайно.

Он ещё раз перевёл взгляд на надпись: «Они знают». Кто «они»? Двенадцать человек на фото? Или кто-то другой? И что они знали? Он смотрел на бабушку — молодую, смеющуюся, — и чувствовал, что не знает её вообще. Или она просто умела хранить тайны так же хорошо, как хрусталь в серванте? Он провёл пальцем по фотографии. Бумага была шершавой, чуть тёплой от его рук. Двенадцать лиц смотрели на него с улыбками. Они не знали, что через шестьдесят лет их улыбки будут разгадывать, как шифр.

Он снова перевернул фото, посмотрел на карандашные буквы. «Берёзки. 1965. Не говори никому». Он никогда не слышал этого названия. Но он знал, куда пойти, чтобы узнать. Библиотека. Архив. Интернет. Он должен был понять, что случилось в этих Берёзках. И почему его бабушка, его тихая, сдержанная бабушка, написала эту фразу — и спрятала снимок так глубоко, что даже смерть не заставила её достать его.

Он положил фотографию на стол и долго смотрел на неё. Двенадцать лиц. Двенадцать улыбок. Одна из них — её. И она знала, что они знают.

Глава 2

Артём вышел из бабушкиной квартиры в половине девятого. Утро в Саратове встретило его холодным ветром с Волги и низким серым небом, которое висело над городом как мокрая простыня. Он запер дверь, проверил замок дважды — привычка, оставшаяся от работы на объектах, где каждая деталь имела значение, — и спустился по лестнице. Подъезд пах сыростью, кошачьей мочой и старой краской. На первом этаже кто-то оставил пустую бутылку под батареей. Артём перешагнул через неё, вышел на улицу.

Московская в этот час была пустой. Только редкие машины, женщина с собакой, дворник, сгребаящий жёлтые листья в кучи. Осень 2025 года вступала в свои права. Артём застегнул куртку и пошёл к остановке. В кармане лежала фотография — он положил её в конверт, а конверт сунул во внутренний карман куртки, туда, где обычно носил телефон. Он чувствовал её вес каждой минутой. Тридцать три грамма бумаги, а казалось — кирпич.

Офис архитектурного бюро «Соколов и партнёры» находился на Соколовой горе, в старом двухэтажном здании с лепниной на фасаде. Артём работал здесь седьмой год. Начинал простым чертёжником, потом дорос до ведущего реставратора. Специализация — деревянное зодчество. Он ездил по области, осматривал старые церкви, купеческие дома, амбары — всё, что ещё не сгнило и не сгорело. Друзья называли его «человеком-доской». Он не обижался. Он действительно любил дерево — его текстуру, его запах, его способность хранить время.

В бюро было тихо. Два других архитектора уже сидели за компьютерами, пили кофе, обсуждали новый проект — реставрацию старого особняка на улице Радищева. Артём прошёл к своему столу у окна, сел, положил на колени рюкзак. Светлана, секретарь, лет сорока, с вечно недовольным лицом, подняла на него глаза:

— Ты какой-то бледный. Опять ночью не спал?

— Спал, — сказал Артём. — Всё нормально.

Она не поверила, но не стала спрашивать. Артём включил компьютер, открыл чертёж, который доделывал вчера. Линии на экране были ровными, но он смотрел на них и не видел. Перед глазами стояли двенадцать лиц. Улыбки. Бокалы. Надпись «Они знают» — и почти стёртое карандашом: «Не говори никому».

— Артём, ты слушаешь?

Он поднял голову. Светлана стояла рядом с бумагами.

— Проект по особняку. Там нужна твоя подпись.

— Да, да, — он взял бумаги, глянул. — Всё в порядке. Сделаю.

Она ушла. Артём положил бумаги в сторону, выдвинул ящик стола, достал из кармана конверт с фотографией. Он не хотел оставлять её в куртке — слишком ценный, слишком странный предмет, чтобы просто носить его с собой. Он задвинул конверт под папки, запер ящик на ключ. Ключ положил в карман брюк. Только тогда он почувствовал, что может работать.

Но работа не шла. Он смотрел на чертёж и видел не линии, а лица. Мужчина с усами, женщина с тёмными волосами, парень с гитарой, бабушка в ситцевом платье. Кто они? Почему она спрятала фотографию так глубоко? Что случилось в этих Берёзках, о которых она никогда не говорила?

В двенадцать часов он не выдержал. Встал, надел куртку, сказал Светлане:

— Я в архив. По личному делу.

— К обеду вернёшься?

— Не знаю. Если задержусь, позвоню.

Он вышел из офиса и пошёл к автобусной остановке. Городской архив располагался в старом здании на улице Вольской, в двух остановках от работы. Артём бывал там несколько раз по работе — искал старые планы, чертежи, фотографии. Он знал, что в архиве хранятся доку-

менты по всем дачным посёлкам Саратовской области — вплоть до первых построек начала века.

В приёмной пахло пылью, старыми папками и мастикой. Архивариус — пожилая женщина лет семидесяти, в очках с толстыми линзами, с седыми волосами, собранными в пучок, — сидела за столом и перелистывала какую-то книгу. На бейджике было написано: «Борисова Екатерина Ивановна».

— Здравствуйте, — сказал Артём. — Мне нужны документы по дачному посёлку «Берёзки».

Она подняла на него глаза. Очки блеснули в свете лампы.

— Берёзки? — голос был скрипучим, как старая дверь. — Что вас интересует?

— Всё, что есть. Особенно — 1965 год.

Екатерина Ивановна поставила книгу в сторону, поднялась. Она была маленькой, почти хрупкой, но двигалась уверенно, как человек, который знает каждую папку в этом помещении. Она провела его в читальный зал, усадила за стол, сама ушла в глубь хранилища. Артём сидел, смотрел на высокие стеллажи, забитые коробками, и чувствовал, как сердце бьётся быстрее. Он не знал, что найдёт. Может, ничего. Может, просто справку о перепланировке. Но он ждал.

Она вернулась через десять минут с тонкой папкой в руках. Положила перед ним.

— Вот. Всё, что есть. Посёлок сгорел в 1965 году. Документов осталось мало — в основном списки пострадавших и акт о пожаре.

Артём открыл папку. Бумаги пожелтели, пахли временем — сухой, кисловатый запах, который он так хорошо знал по работе. Первый лист — акт о пожаре. Он прочитал: «17 августа 1965 года в дачном посёлке «Берёзки» произошёл пожар. Огонь уничтожил шесть деревянных домов. Причина — короткое замыкание в проводке. Погибших — четыре человека. Выживших — одиннадцать». Он перевернул страницу. Списки.

Артём провёл пальцем по строчкам. Имена, фамилии, даты рождения. Одиннадцать человек. Он узнал несколько имён из списка, который нашёл у бабушки. Вот она — Вера Михайловна Соколова. Вот — Зинаида Фёдоровна. Вот — Пётр Игнатьевич. Все, кого он знал по надписям на обороте фотографии. Одиннадцать.

Он перечитал список. Раз. Два. Три раза. В нём было одиннадцать имён. Только одиннадцать.

Артём достал из кармана телефон, открыл фотографию, которую сделал снимком. Двенадцать лиц. Он снова пересчитал их — медленно, по одному, водя пальцем по экрану. Двенадцать.

Одиннадцать в документах. Двенадцать на фото.

Один человек — без имени. Без даты рождения. Без отметки «погиб» или «выжил». Просто — не существовал в официальных бумагах.

Артём поднял глаза на Екатерину Ивановну.

— Здесь только одиннадцать выживших?

— Да, — кивнула она. — Одиннадцать. Четыре погибших. Всего пятнадцать человек было в посёлке в ту ночь.

— А если было больше?

Она посмотрела на него поверх очков.

— Что значит — больше?

— На фотографии, — Артём протянул телефон с изображением. — Здесь двенадцать человек. Я насчитал.

Она взяла телефон, долго смотрела, приближая. Потом покачала головой.

— Я не знаю, кто это. В наших списках такого человека нет.

— Но он есть на фото.

— Может, он просто был в гостях, — сказала Екатерина Ивановна. — Или приехал из города. Если он не был прописан в посёлке, его могли не включить в списки.

Артём смотрел на экран. Двенадцать улыбающихся лиц. Одно из них — незнакомое. Мужчина, средних лет, в белой рубашке, стоит с краю. У него тёмные волосы, тонкие усы, он смотрит прямо в объектив, как будто знает, что его фотографируют. Он единственный, кто не улыбается.

— Кто это? — спросил Артём, показывая на него.

Екатерина Ивановна наклонилась, взгляделась, потом покачала головой.

— Никогда не видела этого человека. В списках нет никого похожего.

Артём ещё раз пересчитал лица. Двенадцать. Твёрдо, без вариантов. Он закрыл папку, поблагодарил архивариуса и вышел на улицу. Холодный ветер ударил в лицо, и он остановился на крыльце. В руке он всё ещё сжимал телефон. Двенадцать лиц смотрели на него. Одиннадцать в списках. Человек без имени. Человек, которого никто не искал. Человек, который просто исчез из документов. Как будто его никогда не было.

Глава 3

Артём не пошёл в офис. Он вышел из архива и остановился на крыльце, глядя на серое небо и мокрые листья, прилипшие к асфальту. Ветер дул с Волги, холодный, пронизывающий, забирался под куртку. Он достал телефон, открыл список контактов и задумался. Зачем он вообще пошёл в архив? Что он искал? И что теперь делать с тем, что нашёл?

Двенадцать лиц на фотографии. Одиннадцать в списках выживших. Человек без имени.

Он убрал телефон и пошёл к автобусной остановке. В голове вертелась одна мысль: если его бабушка была на том фото и числилась выжившей, значит, она знала этого человека без имени. Знала и молчала. Как и остальные одиннадцать. Артём попытался вспомнить, упоминала ли бабушка кого-то по имени. Какие-то старые истории, случайные обмолвки. Нет. Она вообще не говорила о том времени. Будто запретила себе.

Автобус пришёл через пять минут. Артём сел у окна, прижался лбом к холодному стеклу. Город проплывал мимо — старые двухэтажные дома, новостройки, заборы. Он смотрел на всё это и думал о том, что люди живут, строят, умирают — и оставляют после себя фотографии, письма, вещи. Иногда — тайны. Его бабушка оставила ему тайну. И он должен был её разгадать.

В отделе ЗАГС на улице Радищева былолюдно. Очередь к окошкам, женщины с папками, мужчина с кричащим ребёнком. Артём простоял полчаса, прежде чем его пригласили к свободному окошку. За стеклом сидела молодая девушка в очках, уставшая, с красными от недосыпа глазами.

— Здравствуйте, — сказал Артём. — Мне нужна информация по человеку, который жил в дачном посёлке «Берёзки» в 1965 году.

— Это архивный запрос, — девушка пожала плечами. — Нужно подать заявление.

— Я понимаю. Но мне нужно срочно.

— Срочно не получится, — она покачала головой. — Ждите две недели.

Артём достал из кармана фотографию — копию, распечатанную на принтере. Он показал её через стекло.

— Я ищу человека, который был на этой фотографии. Его нет в списках выживших. Может быть, у вас есть записи о нём — регистрация, свидетельство о браке, что угодно.

Девушка взяла фото, посмотрела, потом покачала головой.

— Я не могу так. Нужно заявление.

— А если я скажу, что этот человек мог быть убит в тот день?

Она подняла на него глаза. Её лицо стало напряжённым.

— Убит?

— Я не знаю. Я ищу правду. Пожалуйста.

Она вздохнула, покосилась на начальницу, которая сидела в углу и что-то печатала. Потом быстро набрала что-то на компьютере.

— Скажите фамилию.

— Мне нужно имя женщины — Зинаида Фёдоровна. Она тоже была на этом фото. Мне нужны её данные.

Девушка снова застучала по клавишам. Через минуту она подняла глаза.

— Зинаида Фёдоровна Чижова, 1943 года рождения. Проживает в Саратове, улица Вольская, дом 15, квартира 7. Всё.

— Телефон?

— Домашний. — она написала номер на листке и протянула через щель. — Больше ничем не могу помочь.

Артём взял листок, сунул в карман, поблагодарил и вышел. На улице он сразу набрал номер. В трубке раздались длинные гудки. Он уже хотел сбросить, когда на том конце ответили. Голос — старый, хриплый, испуганный.

— Алло?

— Зинаида Фёдоровна?

— Да. — пауза. — Вы кто?

— Меня зовут Артём Соколов. Я внук Веры Михайловны Соколовой. Я нашёл вашу фотографию.

Молчание. Долгое, тяжёлое. Он слышал, как она дышит в трубку — неровно, прерывисто.

— Ты нашёл? — голос дрогнул. — Ты нашёл её?

— Нашёл.

— Господи, — она почти задохнулась. — Я думала, она сгорела. Мы все думали, что она сгорела. Вера сказала, что сожгла её.

— Она спрятала. В комод под газетами.

— Двадцать лет назад я просила её уничтожить эту фотографию. Она поклялась, что сожгла её. — в голосе послышались слёзы, но она сдерживалась. — Ты не должен был её видеть. Никто не должен был.

Артём сжал трубку.

— Что случилось, Зинаида Фёдоровна? Что произошло в 1965 году?

— Приезжай, — сказала она. — Я всё расскажу. Только приезжай. Сейчас. Пожалуйста.

— Я приеду завтра утром.

— Нет, — голос стал почти умоляющим. — Сейчас. Приезжай сейчас. Я не могу ждать.

Мне страшно.

Артём посмотрел на часы — полвторого.

— Я приеду через час.

— Жду, — она повесила трубку.

Он набрал другой номер — в офис. Светлана ответила с обычной своей усталостью.

— Артём, ты где?

— Света, скажи, я не приду сегодня. Завтра тоже, возможно. Личные дела.

— Что случилось? Ты заболел?

— Нет. Просто... — он запнулся. — Просто так нужно.

Она не стала спорить. Он вышел на улицу и направился к улице Вольской. Дом 15 оказался старой хрущёвкой в пять этажей, с облезлым фасадом и сломанной дверью подъезда. Он поднялся на второй этаж, нашёл квартиру 7. Позвонил. Тишина. Он позвонил ещё раз. Ничего.

Дверь была приоткрыта. Он толкнул её, и она поддалась. Внутри пахло сыростью, застоявшимся воздухом и чем-то ещё — сладковатым, металлическим. Он шагнул в прихожую. Квартира была маленькой, заставленной старой мебелью, заваленной газетами. На кухне — грязная посуда. В комнате — телевизор, включённый на беззвучный режим.

— Зинаида Фёдоровна? — позвал он.

Никто не ответил.

Он прошёл в коридор, заглянул в ванную. Дверь была открыта. Свет горел. На белом кафеле лежала женщина. Старая, в домашнем халате, с мокрыми волосами. Она лежала навзничь, глаза были открыты, смотрели в потолок. Артём замер. Он не знал, что делать.

Он подошёл ближе. На шее — отчётливые синие следы пальцев. Пять отпечатков. Не она умерла. Её убили.

Он хотел бежать, звонить в полицию, но что-то приковало его к месту. На лбу у женщины была белая бумажка, приклеенная скотчем. Он наклонился. Руки дрожали. Он прочитал: «Ты тоже ищешь? Остановись».

Артём отшатнулся. Сердце колотилось так сильно, что он слышал его в ушах. Он посмотрел на свои руки — они были чисты. Он не касался тела. Он проверил дверь — она была открыта, когда он пришёл. Кто-то был здесь до него. Кто-то убил Зинаиду Фёдоровну — за несколько минут до того, как он вошёл.

И этот кто-то знал, что он ищет.

Глава 4

Артём стоял над телом и смотрел на записку, приклеенную скотчем к её лбу. Белый прямоугольник бумаги, дешёвый скотч — углы уже начали отклеиваться. "Ты тоже ищешь? Остановись". Он перечитал фразу три раза, и с каждым разом в груди становилось холоднее. Сначала он подумал, что кто-то ошибся дверью. Или что Зинаида Фёдоровна сама написала это перед смертью. Но почерк был мужским — грубые, угловатые буквы, нажим почти прорывал бумагу. Это был не её почерк. Кто-то пришёл сюда до него. Кто-то знал, что он будет. Значит, за ним уже следили.

Артём резко обернулся. В прихожей было пусто. На кухне — тоже. Он прошёлся по квартире: комнатуха с диваном, заваленным газетами; маленькая кухня с грязной посудой; ванная, где лежала Зинаида. Никого. Только гул старого холодильника, который работал с надрывом, и тиканье часов на стене. Время было половина второго. Солнце за окном уже клонилось к закату, и комната наполнялась сумерками. Артём включил свет на кухне. Лампочка мигнула и загорелась тусклым жёлтым светом.

Он не мог вызвать полицию. Если он вызовет их, начнутся вопросы: как он оказался здесь, почему пришёл, что знает, что делал с телом. Фотография, архив, надпись на обороте — всё это окажется на столе перед следователем. А он даже не знал, законно ли он держал ту фотографию. Она была его по праву наследства. Но что она значила — он не понимал. И полиция точно не поймёт. Они увидят только то, что есть: труп, следы пальцев, записка. И его — рядом.

Он сделал глубокий вдох. Запах в ванной был тяжёлым — смесь сырости, старой плитки и металлического привкуса, который он не мог объяснить. Он заставил себя опуститься на колени. Кафель был холодным даже через джинсы. Он провёл по карманам халата Зинаиды. Левый — пустой, только дырка на подкладке. Правый — ключи на железном кольце, очки в старом футляре, кусочек мятой бумаги.

Он развернул её. Бумага была из школьной тетради, в клетку, пожелтевшая по краям. На ней шариковой ручкой, синими чернилами, написан адрес: "Саратов, улица Чапаева, 14". Больше ничего. Ни подписи, ни даты. Почерк был старым, дрожащим — тот же, что и в дневнике бабушки. Зинаида написала это сама. Не вчера, не сегодня — бумага была старой, с загнутыми краями, как будто она носила её в кармане несколько недель.

Он сунул бумагу в карман, поднялся. Зачем она носила этот адрес с собой? Может, хотела туда сходить. Или ей кто-то велел. Он оглядел ванную ещё раз — кафель, старая раковина с желтоватым налётом, мокрое полотенце на батарее. На полу, рядом с телом, лежала женская тапочка — вторая была на ноге Зинаиды. Она умерла не в кровати, не в кресле. Она пришла в ванную, разделась, залезла под душ? Или её затащили сюда? Он заметил, что вода в душе не была включена. Полотенце сухое. Значит, она не успела. Её убили до того, как она начала мыться.

Он вышел из ванной, держась спиной к стене, чтобы не оставлять следов. Проверил дверь — она была приоткрыта, когда он пришёл. Значит, убийца ушёл через неё. Или он всё ещё был здесь. Артём замер на секунду, прислушиваясь. Тишина. Только холодильник гудел на кухне. Он надел обувь, завязал шнурки — руки всё ещё дрожали, и он никак не мог попасть в узел. Выдохнул, поднялся. Взялся за ручку двери. Металл был холодным и липким.

В подъезде лампочка не горела. Он стоял на лестничной площадке, шурясь в темноту. Пахло плесенью, старой краской и ещё чем-то кислым. Он сделал шаг к лестнице, как вдруг за спиной скрипнула дверь. Он обернулся.

На пороге соседней квартиры стояла женщина. Лет шестидесяти, в тёплом халате с цветами, тапочки на босу ногу. Волосы седые, нерасчёсанные. Она смотрела на него из-под прищуренных глаз, держа в руке пустую кружку.

— Вы к Зинаиде? — голос был хриплым, будто она только что проснулась. — Она в порядке? Я слышала стук.

Артём замер. Сердце билось в горле. Он заставил себя улыбнуться — хотя улыбка вышла натянутой, как струна.

— Всё хорошо. Она отдыхает. — он сделал паузу, чтобы успокоить голос. — Я внук Веры Михайловны Соколовой. Пришёл передать привет.

Женщина нахмурилась. Она смотрела на него странно — не подозрительно, а скорее изучающе, как будто пыталась вспомнить, видела ли его раньше. Опустила глаза на его куртку, на обувь, снова подняла на лицо.

— Внук? — она покачала головой. — Раньше ты не приходил.

— Я живу в другом городе, — сказал он. — Бабушка недавно умерла. Разбираю её вещи. Нашёл старую фотографию.

Услышав слово "фотография", она вздрогнула. Едва заметно, но Артём заметил. Её пальцы сжались на кружке сильнее.

— Фотографию? — переспросила она.

— Да. Со старыми друзьями. Хотел спросить у Зинаиды, кто на ней.

Она помолчала. Глаза её бегали — от него к двери Зинаиды, снова к нему. Потом она шагнула ближе, почти на цыпочках, и сказала шёпотом, так тихо, что он едва расслышал:

— Ты не первый, кто спрашивает о Зинаиде.

Артём почувствовал, как холод пробежал по спине.

— Что значит — не первый?

— Вчера приходил мужчина. — она облизнула губы. — Лет сорока пяти, высокий, в чёрном пальто. Сказал, что ищет старую фотографию. Я сказала, что не знаю. Он ушёл.

— Он назвал имя?

— Нет. — она покачала головой. — Только спросил, где живёт Зинаида. Я показала. Он постучал, она открыла. Они о чём-то говорили. Она выглядела испуганной.

Артём сжал кулаки. Вчера. Человек в чёрном пальто приходил за день до убийства. Проверял, наводил справки. Или это был убийца, который изучал жертву перед тем, как нанести удар.

— Он ничего не оставил? — спросил он.

— Нет. — она помолчала, потом добавила: — Но у него была фотография. Я видела край — она торчала из кармана. Чёрно-белая, как ты говоришь. И ещё... — она запнулась. — Он спросил, не приходил ли к Зинаиде молодой мужчина. Упомянул твою фамилию.

Артём почувствовал, как земля уходит из-под ног. Человек в чёрном пальто знал его фамилию. Знал, что он придёт. Он опережал его на шаг.

— Спасибо, — сказал он. — Извините, что побеспокоил.

Он повернулся и пошёл к лестнице. Женщина окликнула его:

— Молодой человек!

Он обернулся.

— Будь осторожен. — она почти прошептала это. — Зинаида была хорошей женщиной. Она никому не мешала. И всё равно...

Она не закончила. Артём кивнул и быстро спустился по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Выйдя на улицу, он остановился. Холодный ветер ударил в лицо, и он глубоко вдохнул, пытаясь успокоить сердце. Он сел на скамейку у подъезда, вытер пот с лица. Руки всё ещё дрожали.

Он думал о том, что только что видел: мёртвая женщина в ванной, записка с угрозой, соседка, которая видела человека с фотографией. Кто-то идёт по тому же следу, что и он. И этот кто-то уже убил. Артём знал, что не может остановиться. Если он остановится, если он испугается и уйдёт — этот человек в чёрном пальто продолжит. Убьёт следующего. И следующего. Пока не сотрёт все следы.

Он достал из кармана бумажку с адресом. Чапаева, 14. Он не знал, что там. Но он знал, что должен поехать. Зинаида носила этот адрес с собой. Может, она хотела туда пойти. Или кто-то ждал её там. Артём встал, сунул бумажку в карман и направился к остановке. Сердце всё ещё билось, но руки перестали дрожать. Он знал: это только начало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.